

АЛЕКСЕЙ К. СМИРНОВ

Мальбом

ХОРРОР-ЦИКЛ

Алексей Смирнов

Мальбом. Хоррор-цикл

«Издательские решения»

Смирнов А. К.

Мальбом. Хоррор-цикл / А. К. Смирнов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-740367-6

Семь разных историй в жанре хоррора, не связанных между собой, но выстроенных по принципу нарушенной гаммы — маль-бома, музыкального альбома зла.

ISBN 978-5-44-740367-6

© Смирнов А. К.
© Издательские решения

Содержание

Композиция первая	6
Композиция вторая	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Мальбом Хоррор-цикл

Алексей Константинович Смирнов

Фотограф Евгений Горный

© Алексей Константинович Смирнов, 2017

© Евгений Горный, фотографии, 2017

ISBN 978-5-4474-0367-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Композиция первая Тление тлена

В каждом из нас живет безжалостный судья, обвиняющий нас даже тогда, когда мы не знаем за собой никакого преступления. Хотя мы сами ничего об этом не ведаем, складывается впечатление, будто где-то об этом все известно.

К. Г. Юнг «Парацельс как духовное явление»

На воре горит шапка. Роняет вор багряный свой убор.

Я проснулся от этого самого тления, что под шапкой.

Мне было очень страшно. Во рту пересохло, в груди болело. Та частица меня, что имела обычай пробуждаться прежде других, с надеждой ждала облегчения, облегченно ждала узнавания: вот ночь. Вот ветка, припорошенная снегом. Вот черные глыбы предметов со сглаженными углами. Частица развернулась, будто фантик, в котором лежала подтаявшая конфета с орешком. Этой конфетой был я, и во мне был орешек, в орешке разворачивался пестрый фантик, а я был дома; я лежал, где обычно лежу, мне оставалось немного – вздохнуть, покачать головой, глотнуть воды и забыться, но уже без боязни, утешенным, благо нарушенные сны никогда не продолжают. Этого, правда, не скажешь о яви. Мой сонный разум возмутился, не желая признать очевидного; он все еще ждал, что наступит порядок, вот-вот; ему мнилось, будто тягучие течения, которые днем питали мысли, а ночью кормили образы, сумеют распутаться; водоворот исчезнет, освобождая пути к рассудку, и так восстановится обыденная последовательность. Сны истребляются просто: кошмар, пробуждение, последствие, узнавание, облегчение, чертыхание, умиротворение, засыпание. Дело застопорилось на третьем этапе; сон выжил. Я посмотрел на светящийся циферблат: было раннее утро, пять часов.

Бытует мнение, будто сны это нечто вроде непереваренного дня, или дней. Людей, которым снятся кошмары, обременяет реальный груз, но это был не мой случай. Я заканчивал выпускной курс философского факультета, и у меня были все основания рассчитывать на праздность и достаток: выгодное место консультанта при неразборчивой, но денежной конторе. Я не жаловался на здоровье, не терпел нужды; друзей имел ровно столько, сколько нужно, чтобы то были друзья, а не кореша; подумывал жениться, выпивал в меру – словом, жил ровно и счастливо, не давая кошмарам повода вторгнуться с их мрачными напоминаниями и угрожающими намеками.

Одним словом, дела мои шли лучше некуда.

Сон обнажился, теряя подробности, но сохраняя черный каркас; так осыпается с дерева снег. Я сел, сунул ноги в холодные тапочки: те сделались тесными, потому что душа ушла в пятки, и стопы опухли. Обычно с утра опухает лицо. Я надавил пальцем над плюсной, и там осталась хлебная вмятина. В комнате пахло смертоносными благовониями: ложась, я включил фумигатор, и комары, которые не переводились даже зимой, падали, как лапчатые рубиновые звезды. Они успевали насосаться перед смертью, но успевали и надышаться – напрасно рассуждают, будто перед смертью не надышишься: надышишься, и еще как, оттого и погибнешь. Я встал и зажег свет в надежде, что он прогонит мое настроение. Вспышка заставила сон отступить в тень, но он там остался маячить, стоя с недоброй усмешкой, готовый провести в такой позе многие часы.

Мне приснилось, будто я забрел в какой-то огород и вспомнил вдруг, что убил в нем бомжа. Может быть, это была женщина – во всяком случае, нечто, подошедшее к грани, за которой теряются половые различия. И переступившее грань. Огород был дурной, с покосившимся плетнем, с запущенными грядками; пыльные лопухи заказывали музыку разгоря-

ченным мухам; сама земля, казалось, накренилась вместе с крестообразным пугалом в дырявой шляпе. Этот огород представлялся недолговечным проблеском пьяного сознания. Горело солнце, горела шапка: та, что была надета на пугало – вовсю, моя же предательски тлела, покуда я рассматривал заступы, тяпки и грабли, сваленные близ гнилого крыльца. Их вид меня тревожил, но пожар занялся, едва меня тронули за левое плечо; может быть, никакого касания не было, и я принял за него дуновение спрятавшегося ангела. Пропитым голосом тракториста невидимка напомнил мне об убийстве, и я тут же обратил внимание на борозды и канавки, спешно прочерченные в сухом черноземе. Земля немножко разошлась, ровно столько, сколько нужно было, чтобы я увидел, и я действительно увидел перепутанные грязные ленты, похожие не то на лохмотья, не то на мясо; под ними чернели кости, как будто их долго продержали над костром, но не сожгли, прокоптили, и вот они впитали давнишний дым. Пейзаж качался; он не дрожал обманной знойной дрожью, а именно раскачивался, как маятник. Вокруг было голо, бедно и солнечно; бороздки и канавки продлились в доисторическую тракторную колею; невидимка, стоявший за плечами, торжествовал, и я отступил, цепенея от страха, потому что вспомнил. Вернее сказать, я сначала не вспомнил ни бомжа, ни картины убийства; я знал только, что убийство состоялось, и совершил его я; совершил, вероятно, либо по неосторожности, либо под действием скороспелого бешенства. Еще мне вспомнилась моя тогдашняя уверенность в полной безопасности; я ни секунды не сомневался, что меня никогда не найдут и не будут искать. Затем промелькнул и сам бомж, я так и не разобрал, кем он был: это существо стояло и горланило что-то, размахивая руками, очень похожее на разбитное лихое пугало, которое с того времени ничуть не изменилось и даже торчало под тем же углом. И я, по-моему, рубанул оружие существо лопатой. «Но теперь все открылось», – сказал невидимка; я отступил еще. Пылал рябой огородный сентябрь. Солнце припекало мою макушку, мне захотелось пить, и я сразу проснулся, чтобы утешиться мирными предутренними часами в мирные предутренние часы.

«Это сон», – сказал я себе, стоя посреди залитой светом комнаты и слушая, как капает в ванной. Капель равнодушно стучала; у нее не было права голоса, не то, будь ее воля, она-то уж сказала бы мне все, что думает про мою особу и о моих прошлых деяниях; но нет, так и нет, и капли падали, подчеркнута безучастные к моим сомнениям. В этих сомнениях ощущалось нечто столь же ужасное, сколь и манящее, участие чуда. Мне очень хотелось поклясться перед собой, что никакого бомжа не было, и никакого огорода я не знаю, но я не сумел. Когда же и где? Этого я не помнил. Возможно, я был пьян? Меня зашвырнуло в пригород, я поспорил с каким-то бродягой, зарыл его в качестве последнего довода – может быть, я ни в чем не мог поручиться.

Пришлось умыться и выпить кофе; ни первого, ни второго я не терплю, я принимаю душ и пью чай с бергамотом. Сосущее воспоминание требовало скорых мер, я бухнул в чашку четыре столовые ложки: сначала кофе, потом сахара. Умывался холодной водой; вообще, я принялся лихорадочно приводить себя в порядок – бриться, чиститься, сменил носки, переделался на выход. Короче говоря, сделал многое, чтобы отвлечься, но сделанное не помогло. Тревога не исчезала; я выпил вторую чашку и поймал себя на том, что вспоминаю все пригороды, какие мог посетить в обозримом прошлом. Их было немного, и мне, чтобы их перечислить, хватило пяти пальцев. «Но я же не принимаю этого всерьез, – мое обращение к внутреннему собеседнику прозвучало рассудительно и лицемерно. – Все очень просто. У меня есть какая-то неосознанная потребность, и очень настойчивая – до того, что пролезла в сознание, облекшись в форму вымышленного инцидента. По всей вероятности, эта потребность еще хуже, и у меня нет ни малейшего желания разбираться, в чем она состоит. Зато у меня есть желание растоптать ее мерзкую оболочку. А потому... сейчас я вспомню всякие рискованные места и, действуя методом исключения, не оставляю ей средства к существованию».

Я человек обстоятельный не по годам и потому разыскал карту области на случай, если что-то забуду. Привычный рисунок, понесший в себе загадку, представился необитаемым ост-

ровом, где вместо сокровища были зарыты останки. Я перечитывал знакомые названия, одновременно удивляясь, как много из них позабыл. Вот, скажем, Клячино – я там бывал. Но это было... это было очень давно, мне только исполнилось шестнадцать... нет, даже пятнадцать лет. Меня отправили с каким-то поручением, кого-то навестить и что-то взять. И все. Нет, Клячино можно было смело вычеркивать. И я зачеркнул его красным фломастером, невольно представляя себе мирных и сонных клячинцев, которых так вот запросто вымарали из географической реальности. Понарошечное могущество мне понравилось, я тут же пометил быстрыми крестами еще четыре населенных пункта, воображая, будто над ними рвутся бомбы. Фломастер завис над коричневым пятнышком города-матки, вычеркивать который было глупо, но я с неожиданным удовольствием перечеркнул его и поднял глаза к потолку, словно рассчитывая увидеть сквозь него собственные поднебесные росчерки. Потом смахнул карту на пол. Идиотизм импровизированного штаба был очевиден, и я зря портил карту, так как без нее знал, какое название останется незапятнанным. Я помнил поездку и урывками – сцену действия, если, конечно, там было какое-то действие, но будь оно так, то состояться оно могло только там, я знал это наверное. Мне стоило труда удержаться и не выскочить из дому прямо сейчас, чтобы поспеть на первую электричку. На что я надеялся? Стоял февраль, и поиски приснившегося огорода не могли принести результата. Снег, лед, замороженные поляны, земляничное мороженое, полувечная мерзлота. Пусть даже я найду место – прошло года три... или пять?

Кручино располагалось под боком у города, я даже зацепил его фломастером. Это был почти что городской район, лубяная-деревянная проплешина, отделенная от многоэтажек тоскливым пустырем. Городские власти решили не вмешиваться в анахронизм – до поры, до времени. Однако на пустыре постоянно что-то затевалось: туда привозили какие-то трубы, вырыли котлован, поставили чумные будки, которые числились в собственности разных организаций, а потому дымили каждая свое, днем и ночью скрывая своих землеройных обитателей. Обреченное Кручино давно смирилось и ждало естественного конца. В нем беззаботно пели петухи, расцветали яблони и празднично гавкали полупсы-полулюди. Еще там бляела гармонь, трещали мопеды, звенели ведра, и кто-то пел в листве или без листвы, невидный и одинокий. Я побывал там с неизвестным намерением, прикатив на трамвае; это я мог припомнить – саму езду и свой прыжок в колючую траву, но дальше сразу начинался плетень, скалилось пугало, горело солнце: и все. Видел ли кто меня?

«Паря, паря», – заговорило в моей голове. Я даже выронил фломастер. Мне показалось, что разговаривало пугало, но показалось не сейчас про тогда, а, скорее, тогда про сейчас, потому что я стоял и озирался в лопухах, попирая лютики, и лихорадочно соображал, откуда голос, и подозрение к пугалу запечатлелось весьма глубоко, где сварился сегодняшней сон, и нынче всплыло, но в действительности... кто же ко мне обратился? «Паря, паря», – каркало в ушах. Я не смог этого вынести, потому что уже не спал; мое реальное прошлое соединилось со сном, как разноцветные компоненты коктейля: нечто легкое и тревожное клубилось сверху, внизу же стоял тяжелый спирт. Посмотрев на часы, я увидел, что маялся час: было шесть.

Пойти и проветриться – вот в чем решение. Я жил на окраине; на то, чтобы добраться до центра пешком, у меня бы ушло часа два – два с половиной. Вполне прилично, я успевал. Перед выходом мне пришлось прополоскать рот, потому что в нем было горько от кофе. Но я забыл почистить зубы, чего со мной прежде никогда не случалось; я очень быстро оделся, погасил свет, захватил сумку и выбежал в пушистую тьму. Чего я боялся? Тюрьмы, разумеется. Само содеянное меня мало тревожило: имею ли право, не имею ли права – оставим эти мучительные вопросы классикам прошлого. Другого сорта художественная литература, несоизмеримо низшего ранга, но зато куда более действенная здесь и сейчас, убеждала меня пусть в сомнительной, но слишком часто поминаемой неотвратимости наказания. Совершенно убийство, заведено дело. Оно пылится на полке, но любая непредвиденная случайность может вдохнуть в него жизнь. Недочеловеческое «паря» из прошлого убеждало меня в провале, который

произошел в моей памяти – под действием выпитого, конечно, теперь я уже не сомневался в первоначалах и перводвигателях. Они не имели ничего общего с метафизикой, что только добавляло им влияния. Я где-то напился – один, вероятно, поддавшись воскресному настроению – и прибыл в Кручино: быть может, зачем-то, быть может, к кому-то, но думаю, что ни к кому, просто так; я задремал в трамвае и доехал до его заросшего и расцветшего кольца. Потом пересек пустошь, вошел в полусонный поселок, который, расчерченный аккуратными дорожками вдоль и поперек, на карте выглядел горелым пирожком-плетенкой. Все это я додумывал сейчас, шагая к проспекту; в картине, которую я воссоздавал, не было противоречий – похоже, что в ней не было и вымысла, способного возмутить мое внутреннее чуткое существо. Я зашел в эти улочки, меня шатало; потом я услышал «паря, паря». Инвалид, местный житель? Но где же он был – повстречался ли мне, или окликнул из-за забора? Чего он хотел – на бутылку? Или, напротив, растрогался и пожалел, и сам озаботился угостить меня самогоном? Или каркал бессмысленно, и звуки, выкарабкивавшиеся из его чрева, лишь по случайности совпадали с общепринятыми значениями?

Я чувствовал досаду и усталость. Меня жгло желание быстрее отделаться от морока, я был готов пойти и признаться во всем, пускай назначат экспертизу, организуют расследование. Я представил негуманную эксгумацию, воображая почему-то старенький экскаватор, который ковыряется ковшом в земле, оглашая селение смертоносным урчанием; из избушек выглядывают тревожные, заплывшие лица, подозревая, что долгожданный конец света для их первобытного оазиса, наконец, наступил, и вот уж роют, и надвигается пустырь, а трубы тянутся ржавыми стрелами, забираясь под почву и тайно пронзая сокровенные колодцы и силосные ямы. В отдалении стоят и ждут кладбищенские фигуры в шляпах и с папками под мышкой, между ними – я сам, закованный в наручники; милицейский козел расположился на въезде, и в нем пьют из термоса, покуривая едкую дрянь; к нему стянулись окрестные козы, они жрут траву, постукивают поводками и опускают горизонтальные глаза, кокетничая перед мундиром. Ковш всхлипывает, тянет из земли черноземные сопли... но нет, это ветошь, и кости вываливаются из дегенеративного машинного рта, словно пища из пасти умственного, но отсталого переростка: нашли!...

Я наподдал сугроб; он разлетелся без звука, как если бы тоже явился из сна. На часах было восемь, я выходил к реке.

Пришагал веселый май: в заломленной кепке, с красным бантом и полными карманами тазепама. Я брал таблетки не глядя, украдкой съедал; учеба заканчивалась, и все шло ровно, вполне по инерции – я был прилежным и примерным студентом; сбой, который случился в феврале и продолжался теперь из недели в неделю, не мог повредить благополучной колее моего ученичества. Я хорошо постарался в прошлом и сейчас пожинал плоды; я мог вообще ничего не делать и, распадаясь в спячке, питаться четырехлетним академическим жиром, все продвигалось успешно. Диплом выгружался автоматически, сам по себе, я только запивал водой лекарства. Помолвка, однако, зависла, и я никак не мог собраться ее перезагрузить. «Reset», возникавший в моем полубоморочном сознании, все чаще сменялся перспективным сетанием, а то и делитом. Сон приходил по-свойски, не балуя свежими мелочами; моя осведомленность, если сравнить ее с февральской, несколько не возросла. Я дождался лета, мое самочинное следствие требовало сухих и солнечных дней. Но май шагал себе, снимая пальто на ходу, и там, куда падали его демисезонные вещички, занималась молодая трава. К двадцатому числу он уж вызвал июня-брата, который тут же явился, не мешкая, расположился на лавочке за домино, и братья начали по-родственному квасить. Поэтому я решил, что ждать мне долее нечего, я должен с корнем вырвать пустополуночную заразу.

Рельсы были дрянь; трамвай качало так, что кондуктор уподобился матерому шкиперу. Я всерьез опасался, что вагон очень скоро завалится. «In emergency case», – пронеслось в голове, пока я вынимал и показывал свой студенческий проездной капитану, который добрался-таки, цепляясь за поручни, до самого юта, где я сидел; в вагоне было безлюдно, человек восемь, а восемь не в счет, так что пусто; шкипер заковылял обратно. Я прикрыл глаза, благо путь предстоял неблизкий, и мне ужасно хотелось спать. Я уже не мог разобрать, где кончается кошмар и начинается транквилизатор. Они слились, потом сменились кричащим шкипером, который тоже начался: он дышал чесноком и беззвучно разевал фиолетовый ртище: «...цо!», – понял я и проснулся, и вздрогнул, додумав «кольцо». Поездка закончилась, а шкипер, убедившись, что разбудил-таки очередного ненавистного ездока, косолапил к водителю, фигуре беспредметной и безразличной. Двери зияли, я вышел, передо мной простирался пустырь. Он совершенно не изменился и был все так же разворочен и перекопан; неподалеку клокотал маленький бульдозер, изображая трудовой процесс и следуя бессмысленному виртуальному графику; все это существовало без начала и конца, от века. Дальше валялось Кручино: селения лежат, хранимые звездным небом, но это валялось, как перебравший бульдозерист.

Я пошел. На мне были подвернутые резиновые сапоги, чтобы месить грязь. Я подвернул их, потому что неподвернутыми они казались мне с чужой ноги; теперь вышло нечто придворное из сказочных фильмов. Во сне я приехал в ботинках. Грязь отламывалась от них кусками, и я наследил в прихожей, когда вернулся. Скорее всего. Я не помнил. Наверно, вернувшись я сразу же лег поспать. Отчего это все со мной происходит? Остановившись, я заторможенно огляделся. Кручино молча приблизилось, и мне пришлось в голову развернуться, запрыгнуть в одинокий трамвай, что уже просыпался, готовясь в обратную одиссею, а правильнее – в сизифею; забиться подальше и впредь уж не помышлять о предательских сновидениях и уголовном преследовании. Но мой сапог упрямо шагнул; подтянулся второй, и я перепрыгнул через мутный ручеек – жалкий, но важный канализационный рубикон. Кручино, казалось, вздохнуло: на окраине поселка зашелестели деревья, а из ближайшего домика долетели едва различимые позывные «маяка». Была суббота, день огородный и хлопотный – майка, лопата, картуз, отпотевшие грядки. Капуста и банька, горилка, картошка, сварливая жинка. Горрилки. Я прыгнул на кочку, перескочил на другую. Вскоре пошла трава, я вытер сапоги и свернул в первую улицу. Меня там ждали. Там не было ни души, но я показался себе долгожданным гостем. Хотя и совсем не желанным. «А вас не спрашивают», – пробормотал я, вызываясь глядя на перекошенные калитки. Дорога молчала. Я пошарил в кармане, нащупывая облатку. Проглотил созерцательно-равнодушное колесико, пожаткал ртом, в котором давно было сухо, и двинулся дальше: один отдаленный плетень показался мне именно тем, ради чего я приехал. Дойдя до него, я постоял, прислушиваясь к преступной памяти: тихо. В черном океане забвения был полный штиль, и мой парусник томился на поверхности – с обвисшими парусами, в напрасной мечте о глубинах. Глубинах гибельных, но притягательных для парусника... тьфу, я раздраженно отбрыкнулся от высокопарных поэтических образов. Не тот плетень, не та изба. И пугало не то, хотя оно здесь, на месте, с дырявой прокастрированной головой.

Я медленно ступал по дороге. Деревня жила, но украдкой; то тут, то там я напарывался взглядом на ситцевый бабий зад, подзависший над грядкой. Все это пестрое, натуральное копошение терялось среди солнечных и лиственных пятен, и только я один, не поддавшийся бессознательной мимикрии, был доступен естественным силам среды: обстоятельное солнце пекло мне макушку, любознательный воздух ощупывал мое лицо. Я свернул и очутился на новой, в точности такой же улице, носившей незаслуженно боевое название: та же картина – плетни, огороды, убогие страшили; пятилитровые банки, хвастливо выставленные в окнах; белье на веревках, полудохлые дворняги, музыкальные мухи. Во мне закипала досада, я чувствовал себя совершенным и чуждым здешней фауне ослом. За героической улицей последовала третья, мирная; имя четвертой затерлось, подъеденное ржавчиной; пятая оказалась пер-

вой, зад покачивался, черные лапы что-то перебирали в земле. Я присел на какой-то камень и расстегнул рубашку. Прогулка затянулась; я ожидал вспышки, просветления, опознания – чего угодно, лишь бы сдвинуться с точки, в которой я застрял, и перейти либо в наступление, либо к обороне. Вместо этого я напился ледяной воды из колонки, пустившей убийственную струю, которая, прыснув, ошпарила мне губы; освежаясь, я тупо соображал, сколько же улиц в Кручино, и должен ли я обойти их все. «О, паря!» – раздалось над ухом, и я вздрогнул – так, что ударился головой о кран. У меня за спиной, уперев руки в боки, торчал морщинистый и тощий мужичок, одетый в линялую гимнастерку. Он удивленно улыбался, во рту не хватало зубов. Взгляд был волчий. Я сразу понял, что мы уже с ним встречались. «Давно тебя не было, паря, опять ты тут», – озадаченно сказал мужичок и поправил кольцо проводов, надетое на плечо. Не иначе, он срезал их где-то по срочной нужде, обесточив некий объект. «Не понял», – пробормотал я угрюмо, подлаживаясь под его тон. На темном лице мужичка проступило почти уважительное недоумение. «Не помнишь, что ли?» – он почесался под вязаной шапочкой. Я принял заносчивую позу – достаточно жалкую, так как надеялся защититься невозмутимой храбростью. «Не помню», – соврал я ему. Соврал не полностью: я знал, что он был, и что-то видел – тогда, при первом моем посещении, но сколько он знал и о чем, оставалось только догадываться. Я рассчитывал вытянуть из него подробности. «Ну, ты даешь», – покачал головой мужичок. Он коротко хохотнул, звякнул кольцами и побрел прочь, не обращая на меня больше ни малейшего внимания. Я стоял и смотрел ему вслед. Я не отважился спросить. Мужичок уходил, не оглядываясь. Мои щеки, мой лоб испеклись, словно в печке, сердце бешено колотилось, ноги подгибались. Мои вору успели к шапочному разбору, и шапки уже горели. «Чего мне помнить-то», – каркнул я вслед. Мужичок отмахнулся. Я беспомощно огляделся по сторонам, зная, что с меня достаточно, и я уже не стану разыскивать место преступления. Мужичок выпил из меня последние силы. Теперь уже было не важно, убил ли я кого, или сделал какое другое дело: что-то произошло – что-то, не красившее меня, до того возмутительное, что разговаривать со мной, умудрившимся забыть про такое, казалось бессмысленным. Я тупо следил за обстоятельным ходом мужичка; он даже ноги ставил так, будто печатал каждым шагом обещание, даваемое деревней, пустырем – всем миром. Мир обещал мне веселое существование: «мое дело, паря, сторона, а только жисть – она тебя научит».

Внезапно я ощутил, что Кручино расступается ямой. В нем скрывался потусторонний провал, куда валились души нежелательных чужаков; я невольно схватился за ледяное железо колонки. Меня выплюнули и даже не стали растирать. Я знал, что мне подскажут дорогу, спроси я кого; мне нацедят стопарик и вообще окажут всяческое гостеприимство при первой оказии, но это радушие будет обманчивым, пора убираться. И я убрался. Теперь оставалось сидеть и ждать, пока у мужичка не лопнет терпение и он сообщит, куда надо, о пришедшей фигуре, которая, гражданин начальник, нам хорошо запомнилась по прошлому посещению. Опять он пожаловал. И мы, уважаемый гражданин следователь, всерьез опасаемся за нашу спокойную будущность, потому что гуляют слухи, будто на улице Красненькой, скажем, этот хлопчик положил одного – тоже пришедшего, но безобидного, божьего человека, ни за что. И вы бы, гражданин начальник, отрядили своих людей с лопатами, да поискали по адресу... И назовет этот адрес.

Кутаясь в рукава, я угрюмо сидел на прежнем месте, в том же вагоне. Кондуктор спал, трамвай подпрыгивал.

Мне больше не снились сны, потому что я перестал спать, хотя порой мне казалось, будто я все-таки сплю, но не дома – в трамвае. Я покрывался испариной от каждого звонка – неважно, телефонного или в дверь, шараялся от милицейских патрулей, а иногда нарочно проходил

очень близко от них, с трудом удерживаясь, чтобы не заглянуть им в глаза, дабы убедиться в общем расположении и попущении мне ходить и дышать. Теперь я знал, почему преступника притягивает место, в котором он нашалил: он хочет увериться в своей безопасности, в отсутствии подозрений. И вот он стоит среди зевак, вокруг ведутся следственные действия, и никто не указывает на него пальцем, не кричит «держи!». Ему нужна стабильность. Бывает, что он изо дня в день навещает болотце, в котором вот уже год как утопил свою разрубленную подругу; приходит и видит, что все спокойно и тихо, и эта внешняя тишина не позволяет разгореться внутреннему пламени, от которого, того и гляди, запылает шапка.

Надо ли удивляться, что мне не хватило выдержки. Наступил сентябрь – то ли пятая, то ли шестая годовщина моего неназванного злодейства. Дата добила меня, страх обострился, и я стал собираться. Все выключил, все погасил. Вышел на лестницу, запер дверь и постоял перед нею, рассматривая газетный язык, который вывалился из почтового ящика и жаловался на типографский налет. Свинцовое отравление. Я сунул газету в карман и пошел в милицию.

Прежде я часто раздумывал над жутким желанием испытать контраст. Я сидел дома и поглядывал на телефонную трубку, зная, что мне вовсе не нужно кого-то убивать – достаточно позвонить и предупредить о бомбе, которая подложена в кабинет городского головы. Это займет минуту. И даже меньше. После этого мне уже не удастся пойти на попятный. Домашние стены отступят в недостижимость: я буду сидеть и смотреть на узоры, зная, что нет такой силы в мире, которая сумела бы оставить меня при своих. Как скоро они приедут? Через полчаса? Час? Через пять минут? Трубка притягивала меня, как пропасть заманивает праздных мечтателей. Теперь я знал, что должен был набраться смелости и позвонить – тогда бы меня не донимали сны, и я не вспомнил бы про Кручино, перед которым я, возможно, вовсе не виноват. Я получил бы свою положенную дозу, и дальше жил, обогащенный суровым знанием. Но я взамен выбрал кружные пути в ту же точку, так что пришлось без нужды расплачиваться за прятки.

– Нет ли у вас нераскрытых убийств? – спросил я в лоб, когда, наконец, добрался до свободного следователя. Меня долго не хотели пускать, желая прежде разобраться, что и зачем.

– Ну как же не быть? – усмехнулся тот, потягиваясь за столом. – Без них не бывает. А вам, собственно, чего надо?

Я ответил ему, что хочу повиниться в убийстве, которое я вроде как совершил, а может быть, и не совершил в районе поселка Кручино.

– Вот справка, – я выложил на стол заранее приготовленную бумажку от психиатра. Там было написано, что я не числюсь среди его постоянных клиентов.

Следователь не удивился: напротив, он обрадовался и стал суетиться:

– Погоди, погоди, парень, – он задвинул выдвинутые было ящики и подался ко мне. – Ты что – серьезно хочешь взять на себя висяк? Тебе ведь не важно, чтобы это был именно тот висяк, да? Ну, не знаем мы ни про какое Кручино. Но теперь-то узнаем, если захотим, – следователь спохватился. – Не думай отвертеться. Нет! – он погрозил пальцем. – Теперь, если ты вздумаешь отпираться, мы назначим экспертизу, поедем, перероем всю деревню, и все найдем. Но лучше будет, если черт с ним, с Кручиным. Никто оттуда не жаловался, дела нет – а вот есть у нас тут... – и он снова начал рыться в бумагах. – Есть у нас тут один эпизод... Тебе ведь все равно, за что сидеть, я правильно понял?...

Он правильно понял. Сначала я собрался возмутиться, но неожиданно для себя кивнул и попросил разрешения закурить. Нам не живется покойно. Нас закаляет стучащая кровь, мы куемся в том кузнечном огне, что пожирает шапки и обжигает темя.

© февраль – март 2002

Композиция вторая

Скоба

Держали пари.

– На бутылку, конечно, – Совершаев ослабил.

– Добро, – подумав, согласился Кропонтов.

Спорили на лестнице. Мужичков попросили курить за дверь.

Все началось с досады, которую вызвал у пьющего Совершаева непьющий Кропонтов.

Сам Совершаев накушался всласть.

– Что ты сосеешь лимонад? – спросил он с упреком. – Засохнуть боишься?

– Подохнуть, – ответил Кропонтов, утирая рот. – Я под химзащитой.

Совершаев погладил себя по лысому черепу.

– Это же фикция. Кто же позволит в Расее кодировать насмерть? Людей не останется.

– Ну, пусть не насмерть, а худо будет так, что лучше не надо.

Когда выходили за дверь, Совершаев обнимал Кропонтова за плечи:

– Я тебе сочувствую. Мне ведь обидно – понимаешь?

Техорский, который подслушивал, стряхнул себе под ноги пепел и с преувеличенной рассудительностью произнес:

– Вот ты говоришь: химзащита, таблетка. Сколько, по-твоему, эта таблетка будет болтаться в организме? Думаешь, год? Ее давно там нету...

С ним согласился Удыч, краснолицый детина в гавайской рубаше, расстегнутой до пупа:

– Нет там ничего, ясное дело. Мелкий гипноз. И сами мы мелкие, мнительные.

Кропонтов не особенно возражал.

– Может быть, может быть, – кивал он грустно. – Но мне-то какая разница, от чего погибать? От таблетки или от гипноза.

– Хочешь пари? – не отставал Совершаев. – Прямо сейчас, через десять минут я сниму с тебя всю твою защиту. И ты снова станешь нормальным человеком. Выпьешь с чистой совестью...

– Ты? Снимешь защиту? Не верю, – взволнованный Кропонтов покраснел.

– Не веришь? Точно? Все свидетели! Кто разобьет?

– Давай, —Техорский выступил, растоптал сигарету и разрубил им руки, сцепившиеся в полудоверительном рукопожатии.

Войдя в комнату, Совершаев прищурился на курлыкавших женщин.

– Пойдем на кухню, – решил он. – Здесь нам не позволят.

На кухне он приказал Кропонтову смотреть в окно.

– Ты не должен видеть. Через минуту все будет готово...

Кропонтов с надеждой глядел на полосатые качели.

– Прошу! – Совершаев, улыбаясь, развернул его к кухонному столу. Там стояли два стакана, доверху налитые едучим оранжадом. – Начинаем экзорцизм!

Удыч и Техорский караулили в дверях, не допуская дам.

– В одном стакане лимонад, в другом – тоже шипучка, но я добавил рюмку водки. Сейчас ты возьмешь один из них наугад и выпьешь.

Кропонтов задумался.

– Давай, – прохрипел Удыч, почесываясь о косяк. – Мы поможем, если что.

– Как вы поможете? – огрызнулся Кропонтов.

Он осторожно взял правый стакан и принялся.

– Как будто лимонад, – произнес он с опаской.

- Конечно, лимонад, – Совершаев сделал серьезное лицо. – Пей, не дрожи.
- Ты будешь отвечать, если что, – предупредил Кропонтов.
- Я свидетелем пойду, – пообещал Техорский.

Кропонтов поморщился. За Техорским водились мутные дела, и его свидетельство не внушало доверия.

- Ну, я пью, – стакан опустел.
- Удыч слегка напрягся, ему хотелось обонять беду.
- Я время засек, – предупредил он.
- А чего его засекать, – улыбнулся Совершаев. – Можно еще покурить. А то и к столу

сходить.

В гостиной допели «катюшу».

- Вы там где? – донеслось оттудова, вавакая ради народности добавочным слогом.
- Мы там здесь, не грустите, – откликнулся Удыч.

Кропонтов присел на табурет. Он прислушивался к себе и не слышал ничего тревожного.

– Мне давали три минуты на рвоту, – пробормотал он, растирая себе грудь. – Если что-то нечаянно попадет. Через три минуты – хана.

Совершаев высунул ленточный язык:

- Ме! Уже пять прошло! Ты выпил водку. Ты мне должен пузырь.
- Да? Точно? Там была водка?
- Была, – подтвердил Техорский.

– Уфф! Как все просто! Это невозможно! – удивился Кропонтов. – Спасибо тебе, старина, – Кропонтов прижал руки к сердцу. – Гора с плеч.

– Запей, – причмокнул Совершаев, кивая на второй стакан.

– Да, – согласился тот, послушный, как добрая лошадь возле желоба с питьем, – я переволновался, во рту сушит.

Он выхлебал фанту, и Совершаев раскатисто рявкнул:

– Шуттка! В первом ничего не было! А вот сейчас – лети к горшку!

Кропонтов пригнулся и бросился в коридор, ударился в Удыча, ворвался в уборную; запираться не стал и повалился на колени, засовывая в рот пальцы.

– Э-э! Бе-е! – Кропонтов подался назад. Его голова, закачавшаяся в метре от пола, откинулась в коридор и надрывно пожаловалась: – Не рвется! Никак! Что же делать-то? О-о-о!

– Что у вас там? – закричали из обеденной комнаты.

– Ерунда, балуемся! – крикнул Техорский. – Сейчас придем!

– Вызовите ноль-три, – Кропонтов стоял на четвереньках и глубоко дышал. – Мне плохо. Сейчас я умру.

– Не умрешь, – Совершаев легонько наподдал ему в зад. – Жив человек, что и требовалось доказать.

– Что такое? Что такое? – причитал Кропонтов. Его лицо побагровело, глаза выкатились. Он окончательно запутался.

– Ничего. Водка была в первом стакане. И ты живой. А во втором ее не было. Я пошутил.

Кропонтов смотрел недоверчиво и чуть не плакал:

– Врешь!

– Вот те крест, – Совершаев перекрестился на латинский манер. – Иди, проверяй. Выпей еще чего-нибудь. Как человек. Просто иди и пей на здоровье.

В дверях он придержал Удыча и шепнул:

– Там везде было чисто.

– То есть? – Уши Удыча дрогнули, как лиловые мозолистые бабочки.

– Без водки. Один лимонад, в обоих стаканах.

– Да? А ему не поплохееет? – Удыч быстро заглянул в столовую, где Кропонтов, счастливый и радостный, поднимал рюмку.

– Не гони. Ты же сам говорил, что гипноз.

Кропонтов проглотил водку и налил другую. Через секунду послышался звон. Жена Кропонтова, еще недавно тоже счастливая, бросила вилку при виде супруга, который набирался бесппроблемно и с упоением. Кропонтов смежил веки и блаженно почавкал.

– Не все коту масленица, – сообщил он многозначительно. Жена, несмотря на неряшливое смещение зоологических полов, поняла намек. Она всплыла над столом, как шаровая молния. И съездила по морде почему-то Техорскому.

Женщины загудели.

– Тихо, бабоньки! – пропел Совершаев, садясь одесную Кропонтова. – Не надо шуметь! Выпьем!

– Свиныя ты скотская, – отозвалась очередная жена, уже его собственная.

– Ну и рот закрой, – Совершаев чокнулся с Кропонтовым. Удыч вздохнул и наполнил себе фужер.

– Да пусть они тут ужрются, – сказала любительница Удыча, особа беспечная и склонная доверять мировым жерновам, перетирающим беды. – Пойдемте, девки, гулять. Пускай остаются. Мы себе новых кавалеров найдем.

Совершаев серьезно кивнул и фыркнул. Техорский сосредоточенно ел, он пришел один. Он всем своим видом излучал одобрение приспевших перемен.

– Г-галя! – проревел красный Кропонтов, отваливаясь от рюмок и ножей.

Хлопнула дверь.

– Вот и славно! – Совершаев потер ладони. – Это, брат, бабий заговор был, – он обратился к разомлевшему Кропонтову. – Черта с два! Правда?

– Спасибо, спасибо тебе, – твердил спасенный Кропонтов.

– Это дело святое, – вмешался Техорский, утирая салфеткой тараканьи щупики. – Ты его не благодари. Он и не сделал ничего, это же пустяк.

– Вроде боя с тенью, – невнятно согласился Удыч: у него был набит рот.

– Бой с тенью не пустяк, – возразил Техорский, орудуя корочкой в соусе. – Это его химзащита оказалась пустяк, – он дернул брыластой щекой в сторону Кропонтова. – Потому что никакой химзащиты не было. А бой с тенью – это совсем другое. Я, например, знаю одного колдуна. Вот он понимает в тенях.

– Полный приворот, – чавкнул Удыч. Он резво подметал заливное. – Расклад Сета, ням-ням. Возвращение любимых. Гарантия. Вход три рубля.

– Ошибаешься, – Техорский разлил водку по рюмкам. – Он не дает объявлений. Но все, кому надо, его знают. И помалкивают. Он работает на дому, без афиш и реклам.

– Хорошо, что моя не знает, – заметил Кропонтов, который до сих пор не мог поверить в чудесное избавление. – Иначе мне бы вот! – Кропонтов провел ладонью по горлу.

Совершаев, от выпитого взопревший, посмотрел на него с жалостью:

– Ничч чему ты не научился, – молвил он горестно. – Напрасно я старался. Сведут тебя к какому-нибудь... надомнику. И станешь... кастрат кастратом. Что за мужик, которому не выпить? Это ж как без яиц, – он тупо уставился на скатерть, которую, ликуя, успел заляпать.

Техорский погрозил пальцем:

– Говорю вам! Этот колдун – настоящий. Он вернул в семью Красильникова. Его баба пришла, колдун ей говорит: поставлю скобку. Скобу такую, астральную, невидимую. И он вернется, и никуда от вас не уйдет. Правда, толку от него будет мало – сядет в углу и будет сидеть. И сам не будет знать, зачем с вами живет. Как предмет какой будет в доме – телевизор там, или шкафчик. Она говорит: пускай сидит. Ну, колдун сделал, как просили. И вот Красильников дома. В тот же вечер вернулся. Ходит тихий, налево не смотрит. Никуда не смотрит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.